

ВСТРЕЧА

С.А. Кузнецов

г. Новокузнецк

Свою первую производственную практику я проходил в Горном Алтае в районе Тигирекского хребта. В мою задачу, как студента, входили камеральная обработка собранных материалов и проведение шлиховых маршрутов. Это – промывка в лотке песчано-глинистого материала из русел речек и ручьев для качественного и количественного определения минерального состава аллювиальных отложений водотоков.

Как-то начальник шлихового отряда назначил мне и еще двум рабочим, вернее, одному рабочему Виктору Иванову и технику-геологу Владимиру Торбокову, очень дальний тяжелый в физическом смысле маршрут. А трое – вот почему. Один промывает шлих, другой, обгоняя первого, моет другой через 150 метров, третий, обгоняя уже двоих, моет третий шлих. Эта методика здорово выигрывала во времени.

Маршрут начался рано утром с подхода – четыре с лишним километра по глухой тайге без троп и дорог. Место довольно глухое. Приступив к работе, мы довольно быстро продвигались от устья очень протяженного безымянного ручья до его истоков.

День заканчивался, еще совсем немного и начнет смеркаться. А в горах ночь наступает стремительно, практически без какого-то перехода. Солнце скрывается за вершиной горы, сразу наступают сумерки, и становится очень прохладно. Все, надо возвращаться в палатку с теплой уютно-гудящей печуркой.

Я, в который раз обогнав напарников, вышел к цирку. Это подковообразный хребет, у подножья которого находилось большое каровое озеро с вытекающим из него нашим ручьем. Отобрал из него последнюю пробу и три бутылки воды для спектрального анализа. Наконец-то закончен этот, казалось бы, бесконечный маршрут.

С легким сердцем и в приподнятом настроении выхожу на изумительной красоты небольшую полянку, усыпанную огромными разноцветными альпийскими цветами в обрамлении вековых высокогорных приземистых кедров. Я был в юношеском восторге, просто без ума, от самобытной красоты Горного Алтая, от окружающей меня нереально-фантастической природы. Мог часами, затаив дыхание, любоваться уходящими за горизонт величественными хребтами, увенчанными белоснежными, пронизывающими небо, казалось, до самых дальних звезд, занозистыми пиками неприступных вершин.

Не переставая любоваться сказочной полянкой, дошел до ее середины и остановился. Мои товарищи еще не подошли. Лямки рюкзака до боли врезались в плечи. За весь день практически отдыхали только один раз – во время обеда. Груз был не очень-то и легкий. Шесть бутылок родниковой воды на анализы, личные вещи, лоток, лопата – одним словом, прилично. Решил здесь передохнуть и дождаться всех.

Пока я любовался красотами белоснежных языков ледника цирка, окрашенных последними лучами заходящего солнца в нежнейшие розоватые тона, на полянку выкатился черновато-бурый шарик, через мгновение обернувшийся крохотным медвежонком. От неожиданной встречи с чем-то незнакомым, он бухнулся, как ребенок, на землю и с любопытством уставился на меня. До моего сознания еще не доходило, что как-то все пошло не так. Немного погодя выкатился еще один такой же клубок, уселся рядом с первым и без проявления каких-либо эмоций притих. Сознание мое молчало, не реагировало никак. Совсем рядом с ними шевельнулись кусты, и вышел медвежонок, но гораздо более крупнее первых – двухгодовалый пестун – нянька. Тоже замер, не желая самостоятельно предпринимать никаких действий, будто ожидая кого-то. Меня вдруг охватило какое-то оцепенение, уши как

ватой заложило. Пропали все звуки – журчание ручья, щебет птиц, шелест крон кедров. Подумать только, на меня смотрят три медведя!

И вот появилась она, громадина-мама, у которой глаза, как мне тогда казалось, были на одном уровне с моими. Чудовище первобытное, немыслимое зверище! Я, напрочь забыв про все инструкции, оторопело смотрел на нее и отчетливо видел, как очень-очень медленно поднималась у нее шерсть на загривке. Нас разделяло метров семь-восемь. Совершенно не отдавая себе отчет, чем мне все это грозит, подумал, а что стоять столбом, надо бы сфотографировать. Более безумной идеи трудно себе представить. На груди висел фотоаппарат «Смена», наипростейшая прекрасная безотказная машина. Я приподнял его и сфотографировал, забыв навести на резкость. (Потом дома напечатал фотографию. Да, не резко, но прекрасно видно этого монстра). Мысли пронеслись стремительно. Чего же я жду, надо бежать! И это была моя самая большая и непростительная ошибка.

Резко развернувшись, я ринулся назад к ручью, слыша за спиной стремительно приближающийся тяжелый топот. Хочу сбросить рюкзак, чтобы бежать было легче, не сбрасывается, не понимаю в чем дело, потом сообразил – поперх рюкзак ремешок фотоаппарата. Кое-как сняв, швырнул все это прямо на глыбы остроугольного курума и, пока рюкзак летел, подумал: «Боже мой, сейчас бутылки разобьются и завтра снова придется сюда вернуться и повторить водное опробование». Это пересказывать долго, а на самом деле все это длилось доли секунды.

В тот же миг я оступился и во весь рост рухнул в ручей. Медведица уже на берегу в нескольких метрах от меня. В это время подошел Володя Торбоков и, видя весь этот кошмар, дабы испугать зверя, начал бить лопатой о камни и испустил такой жуткий нечеловеческий вопль, что я его испугался не меньше. Медведица в ответ так рявкнула, ну душа в пятки. И плачевны были бы наши дела, если бы вдруг не заголосил медвежонок. Материнский инстинкт превыше всего. Медведица бросилась на защиту своего чадо, решив, наверное, что там появился еще какой-нибудь двуногий, а медвежонок либо на острый сук наступил, либо от испуга просто позвал маму, как делают все дети.

Как бы там ни было, а медвежонок подарил нам шанс. С лицами, белыми как мел, мы ринулись к одинокой скале, возвышающейся среди безбрежного «моря» курумника как спасительный маяк. Надо отметить, что именно в этом районе происходит отделение разгонной ступени от ракет, запускаемых с Байконура. После отделения от ракеты они в воздухе разрываются пиропатронами на довольно большие сегменты. И в округе их разбросано немало. Охотники и пастухи иногда используют их как мостики через небольшие ручьи, а еще я видел крышу охотничьей избушки из этого сегмента.

Воодушевленные и уверовавшие, что гроза миновала, мы решили отомстить медведице за наше унижение бегством и напугать ее уже по-настоящему. С трудом приподняв этот тяжеленный сегмент, мы сбросили его вниз по довольно крутому склону. Может быть, подобный грохот в последний раз слышали эти гребни цирка, когда эта штуковина свалилась с небес им на «голову». Громоподобное эхо, многократно усиленное зеркалами вертикально-обрывистых скал, еще долго гремело и перекатывалось, проникая и врываясь в самые затаенные уголки таежных распадков, и, постепенно стихая, унеслось куда-то вдаль по ближайшим отрогам хребтов, заставляя пугливо вздрагивать их обитателей. Лучше бы мы этого не делали!

Медведицу с детьми испугать нельзя. Разъяренная от подобного грохота, прекрасно понимая, кто был его причиной, она, оставив своих медвежат, одним прыжком с невероятной легкостью перемахнула через ручей и ринулась вверх по куруму к нам. Мы, причитая от страха, лихорадочно стали карабкаться на вершину этой небольшой скалы, этого единственного островка надежды. И снова спасает медвежонок, может быть другой, своим протяжным плачем. Опять бросив нас, медведица вприпрыжку, припадая на бок, устремилась к своему семейству. Медведи неважно бегают под гору, передние лапы у них короче задних, вот в спешке и получается кувырок.

В это время из-за поворота, устало бредя и ничего не подозревая, появляется наш третий товарищ. Отсчитав положенные свои 150 метров, он присаживается на корточки и начинает промывать в лотке шлих, радуясь, наверное, что последний.

Мы, сидя на скале, начали орать дурными от страха голосами до хрипоты: «Витя, медведь! Витя, медведь!». Он поднял голову, кивнул, долго смотрел на нас и продолжил промывать пробу. Мы опять уже не орем, визжим – «Витя, медведь!». Он поднимает голову, снова кивает и опять продолжает свое дело. Полянка, где все это происходило, возвышалась над ручьем где-то на метр, т.е. над Виктором был примерно метровый обрывчик.

Медведица, наконец-то собрав свое войско в боевой порядок, скорым шагом двинулась вниз по ручью. Виктор, услышав какой-то топот совсем рядом, можно сказать прямо над своей головой, медленно стал привставать и, увидев напротив своего лица множество когтистых лап, бросив лоток, лопату и рюкзак, стремглав понесся к нам, чуть ли не паря над курумом. Мы, убедившись, что лохматое семейство скрылось из глаз, сразу осмелели и начали подтрунивать над ним, всю дав волю своим эмоциям. Запыхавшись, тяжело дыша от беготни, переживаний и волнения, он нервно попросил у нас сигаретку.

– А скажи, Витя, что же за странная у тебя реакция была на наши крики, ну прямо ты суперхрабрец, ну ты прямо герой! Кричим тебе «Витя, медведь!», а ты только головой киваешь! – Ответ просто нас обескуражил. Мы смеялись, нет, ржали до колик! – «Вы кричите «Витя, медведь», а мне слышится «Витя, мы здесь», ну я киваю головой и только понять не мог, какая нелегкая вас туда занесла, какого лешего вы туда забрякались, ну на эту вот самую скалу?».

Смеркалось очень быстро. Появилась первая звездочка. Мы притихли, немного успокоились, нервный озноб стал потихоньку проходить. До лагеря восемь километров по глухой тайге без троп, есть правда одна чуть видимая, та, которую мы сами протоптали. Смех и шутки уступили место угрюмому молчанию. Глубокое ущелье. Слева крутой скалистый заросший склон, справа такой же. Дорога одна – вниз по течению, куда полчаса назад ушла медведица с тремя медвежатами.

До лагеря добрались очень поздно, но благополучно. На всю жизнь врезался этот маршрут в мою память. Эта коррида, это наше возвращение, когда впотьмах, на ощупь, шли по так называемой тропе и охрипшими голосами орали, что есть мочи, все песни, какие помнили, потом по кругу снова и снова, давая знать косолапым, что мы идем.

А кошмары с участием этой медведицы во всевозможных сюжетах, меня регулярно преследовали лет десять, если не больше. Сильнейшее нервное потрясение. У других – не знаю.

А с косолапыми на Алтае, будучи еще студентом, я встречался девять раз, но чтобы вот так экстремально – больше не приходилось, о чем как-то не сожалею.

Были и очень интересные встречи, но это в следующий раз, это уже другой рассказ.

ЧЕРТОВЩИНКА

С.А. Кузнецов

г. Новокузнецк

Я хочу поведать одну историю, которая приключилась со мной и моим другом Сережей Шокальским много лет назад, историю, которой не могу дать объяснение вот уже столько лет.

Хочу сразу отметить, что это не геологическая байка, а самая что ни на есть быль.

Как-то раз, уже в прошлом веке, мы с Сережей и другими геологами колесили по Горному Алтаю в рамках федеральной программы с целью опробования гранитоидных массивов для уточнения их возраста и взаимоотношений с вмещающими породами. У нас был оперативный летучий отряд: подъезжали к массиву, опробовали, ночевка и утром – к следующему.

В маршруте. Сергей Александрович Кузнецов и Сергей Павлович Шокальский.

Все мы были влюблены в эту сказку, имя которой Горный Алтай! Безбрежное море тайги, кристально-чистые воды рек и озер, сказочные водопады и кристально-синие дали заснеженных, уходящих за горизонт хребтов в обрамлении стройных елей и разлапистых кедров. Это был наш духовный мир, прекрасный и неповторимый!

Однажды под вечер мы выбрали место для ночевки рядом с поселком Бичикту-Боом, что в переводе с алтайского означает «Горы или камни с иероглифами». Надо отметить, что местные жители очень берегут и охраняют это место, где на алевролитовых плитах видны многочисленные рисунки первобытных людей, отражающих их быт и охоту на разнообразных представителей богатой фауны. Так получилось, что на этот раз пришла наша очередь с Сережей готовить ужин, остальные геологи разбрелись изучать кембрийские разрезы и девонские вулканы. До ужина было еще несколько часов.

Пошли мы к берегу мыть и чистить картошку, такая вот рутина. Подошли и ахнули. Вся галька реки – и на косе, и в русле – была темно-синего цвета, вода даже синевой отливала. И эту синеву видели все испокон веков, коль уж эта речка называется «Чакыр», что, по утверждению местных жителей, означает «синий». В ее верховьях находится огромный девонский палеовулкан, который и разбросал когда-то на многие километры вокруг эти редкого цвета кислые вулканы. Есть еще один перевод: «Чакыр» – это камень с острыми краями. Не исключено, что эти вулканы были сырьем для изготовления первобытных каменных орудий, материал-то отменный! Известно, что Россия – страна зеленых камней, и самый редкий цвет у нас – синий. Можно понять наш восторг от увиденного! Забросив картошку, мы с азартом начали собирать это чудо в большой мешок, приговаривая: «...вот Валерий Палыч Казбан наделает-то нам чудных шкатулок для наших дам!» Кое-как отволокли этот тяжеленный мешок в палатку, ну а ужин, конечно же, приготовили, и довольно, как вспоминается, неплохой.

В этом сезоне было еще много маршрутов и, выполнив почти все запланированное, мы всем отрядом в конце сентября вернулись на базу в пос. Елань. Приехали уже затемно, наскоро разгрузились в камералке и решили, что завтра все разберем и разложим по местам.

Утром Сережа развязывает наш драгоценный мешок, не глядя берет первую попавшуюся под руку гальку и говорит проходящему мимо маститому геологу с искрометным юмором Александру Уварову: «А посмотри-ка, Саша, какая прелесть эта синева, когда ты в последний раз в своей жизни видел нечто подобное и неповторимое?» Саша, задумчиво помолчав некоторое время, говорит тихо и очень вежливо: «Да Вы поэт, Сергей Палыч!» Я обескураженно оглянулся и увидел, что галька в руке абсолютно черная, как воронье крыло. Сразу же вытряхнули весь мешок на пол – все гальки черные. Смотрели друг на друга и долго молчали, тщетно пытаясь понять, что же произошло. Камни «умерли».

Сразу вспомнилось, как я неоднократно находил в маршрутах милые маленькие друзочки кварца с хрусталиками размером с сантиметр, а то и меньше, и как радовалось сердце – горит, радужно переливается в лучах солнца этот образчик в твоей руке как волшебный цветок. Но когда возвращался в лагерь, друзка вдруг смотрелась обыденной, невзрачной и тусклой, неинтересной и даже некрасивой. Цветок увял. Я уверен, что подобное было и у вас.

В дальнейшем мне несколько раз приходилось проезжать мимо этого поселка и так хотелось притормозить, еще раз все повторить – набрать снова образцов из этой речушки, увезти на Елань и посмотреть, а повторится-ли это? Да ведь мы же вечно спешим, все кажется, что куда-то опоздаем, что где-то что-то без нас все обрушится, сгорит, все потом, потом, завтра, завтра. И почему мы такие? Только сейчас остро осознаю – да не будет уже больше никакого этого завтра. Вернее, будет, но не там и не с нами.

Невольно приходит невероятная, на первый взгляд, мысль – что же с ними случается, некоторые образцы «умирают», когда их разлучают с местом своего рождения?

Реакция слушателей на эту историю довольно предсказуема: кто молчит, кто вежливо улыбается и, видимо, мысленно крутят пальцем у виска, и поэтому я ее больше никогда не рассказываю.

Конечно же, никакой мистики здесь нет, просто моих знаний не хватает, чтобы дать этому хоть какое-то разумное объяснение. Видимо, под влиянием каких-то внешних факторов происходит изменение в породе, возможно, на молекулярном уровне. Мы же уже не удивляемся тому, что под воздействием жесткого облучения горный хрусталь превращается в морион, а последний при термальной обработке – в цитрин.

Много лет уже прошло с тех пор, но «это нечто» до сих пор не дает мне покоя. И Сереже тоже не давало.